

Александра Плен Выбор

Лес был прекрасен. Он очаровывал, шелестел листвой, шептал: «Прогуляйся, отдохни от городской суеты, насладись тишиной, щебетанием птиц, первозданной прохладой». Я, наверное, смогла бы в полной мере прочувствовать его красоту, если бы оказалась в другое время и в другом месте.

— А еще лучше смотрела по телевизору, любясь им с дивана, — буркнула себе под нос.

Раскидистые невысокие деревья с пышной кроной (непонятный, правда, вид, но, возможно, я биологию неважно в школе учила). Густой сочный ковер из травы покрывал землю. На изредка встречающихся полянках цвели яркие душистые цветы.

Не было видно ни упавших стволов, ни ломанных веток, ни мусора, обычного, в Подмосковье, недалеко от трассы... Деревья не мешали друг другу, словно лес садили, как парк — ровненько, под линейку. Древесина была теплая, приятная на ощупь (в этом я смогла уже убедиться не раз, так как прислонялась к стволам регулярно). Да, лес был прекрасен, но сейчас, сию минуту я его ненавидела.

«Дура! Идиотка! Глупая курица!» — я костерила себя последними словами и не могла остановиться.

Так вляпаться! Заблудиться в лесочке, в пятидесяти километрах от Москвы!

«Ты бы еще в сквере, возле своего дома заблудилась!» — злобно подумала и сильно шлепнула ладонью по стволу дерева. Оно, конечно, было не виновато в моей тупости, но свое дело сделало. Стало больно...

Я села на живописный пенек возле... то ли ясеня, то ли липы и разминала сведенные от усталости ступни. После четырех часов блуждания по лесу ни сил, ни энергии уже не оставалось. А сначала даже мысленно пошутила — будет, что друзьям рассказать.

Я ни на секунду не допускала, что смогу потеряться. Через полчаса заволновалась, через час встревожилась, а сейчас потихоньку стала впадать в отчаянье. Вечерело, а нашего кемпинга до сих пор не нашла... Я попыталась хоть что-то вспомнить из школы. Пришел в голову мох (если память не изменяет, то он рос на северной стороне), присмотрелась — никакого мха не было и в помине. Подняла глаза и попыталась свериться по заходящему солнцу, где запад, где восток. Выбрала направление, тяжело вздохнув, встала и поплелась на запад.

А все из-за чего? На выходных друзья собрались в лес по грибы (точнее попить пива и поесть шашлыков) и пригласили меня, известную домоседку, с собой. Развеяться...

— Уля, поехали, — уговаривала меня Женька по телефону, — природа, солнышко, птички... Красота!

Я попыталась отмахнуться.

— Мне нужно резюме составить, Жень, — ответила я, — пора начинать искать работу. Написать свои сильные и слабые стороны, и все такое прочее...

— Да знаешь ты свои сильные стороны, Уля, — хихикнула Женька, — они у тебя на лбу написаны. Да мы и ненадолго. В три-четыре привезем тебя обратно.

Все подруги считали своей святой обязанностью меня развлечь и куда-нибудь вытащить, особенно в последнее время. Взяли на поруки. А все потому, что недавно, а если точно, то четырнадцать с половиной дней назад, я рассталась с Пашкой. И это перед самой нашей свадьбой.

Сказать, что моя жизнь обрушилась в одну секунду, — ничего не сказать. Распланировано было все. Куплены платье и украшения. Разосланы приглашения родным и друзьям. Заказан ресторан и согласовано меню. Сколько денег было потрачено — не описать словами. Родители до сих пор со

мной не разговаривают (даже после того, как я рассказала им причину). Глубокая жгучая обида навеки поселилась в сердце, еще раз напоминая, что я никто и ничто в семье.

Мне всю жизнь казалось, что мама и папа родили меня для того, чтобы потренироваться перед настоящим грандиозным событием — рождением Валерии, моей младшей сестры. Она получилась просто идеальной, не то, что я. Валерия была самой красивой, умной и обаятельной на свете. Она умела петь и танцевать (то есть закончила музыкальную и художественную школы). Не то, что я — ни слуха, ни голоса. У нее был безукоризненный вкус, врожденная элегантность и бездна талантов. Я же не могла выбрать себе даже приличную блузку, а первую помаду купила только в двадцать лет. Свободное время Лера проводила, посещая выставки и музеи, литературные вечера и читальни. Я лучшим времяпровождением считала — залезть с ногами на диван, обложиться орешками и чипсами и уткнуться в книгу часиков этак на пять. У сестры были прекрасные белокурые волосы, у меня — неопрятная копна грязно-русого цвета. То ли рыжие, то ли каштановые — не разберешь.

Нет, не думайте, ко мне прекрасно относились. У меня было все, что нужно — книги, игрушки, техника. Я не голодала, закончила

престижную школу, поступила в институт. У меня были ноут и айфон, отдельная комната и карманные деньги. И последнее — я была достаточно привлекательной, чтобы на меня обращали внимание парни и приглашали на свидания. У меня были правильные черты лица, стройная фигурка и густые длинные волосы. Но... Стоило моей сестре оказаться вблизи меня, все мужские взгляды тут же концентрировались только на ней.

Что бы я не делала, сколько бы пятерок не получала в школе, какие олимпиады не выигрывала — Валерия делала это лучше, быстрее и изящнее.

«Что за пальто ты купила! У тебя совершенно нет вкуса, Ульяна. В следующий раз иди в торговый центр с Лерочкой, она поможет тебе».

«Почему ты до сих пор сидишь за компьютером? Лера пригласила нас на литературный вечер на Таганской». Я вздыхала и шла одеваться.

«Сегодня вечером придет Русланчик, оторвись ты от книжки и переоденься, наконец».

Приходили Русланчики, Сашеньки, Олеженьки... Мама готовила фирменный торт и салаты. Папа вытаскивал альбомы и Лерочкины грамоты, чтобы все в очередной раз восхитились ее уникальными способностями и умом. Но боюсь, Русланчикам до ума сестры дела было никакого — ее красота затмевала все. Юноши толпами бегали за

ней, дарили цветы, билеты в Большой и Ленком. С каждым у нее была любовь до гроба и возвышенные отношения.

Профессию моя дорогая сестренка выбрала такую же красивую, как и сама — дизайнер. Звучит благородно и элегантно. Родители на всеобщем совете долго выбирали, куда отдать дорогое дитяtko. А я... После окончания школы никто у меня даже не поинтересовался, куда я хочу поступать. Помыкавшись, я залезла в интернет и выбрала самую обычную ординарную специальность — бухгалтерский учет и аудит.

Я жила, как соседка по квартире. Приходила вечером, уходила утром. Иногда подрабатывала — заполняла отчеты небольшим фирмочкам, сдавала налоговые декларации. Я хотела стать самостоятельной и не зависеть от родителей в материальном плане. Но тут случилась ЛЮБОВЬ.

Павел был продвинутым айтишником, учился на последнем курсе в нашем институте и уже зарабатывал неплохие деньги, продавая ПО и разработки ERP-комплексов. Не знаю, почему он выбрал меня. Серую мышку, которая так и не научилась толком краситься и элегантно одеваться. Туго стянутый хвост на затылке, коричневый рюкзак, джинсы, высокие ботинки — мой ежедневный прикид. Как и чем я смогла заинтересовать лучшего перспективного студента

института — сама удивляюсь. Но это случилось. Мы стали неразлучны. Родители впервые на моей памяти вытащили мои грамоты и медали, когда Павел пришел к ним знакомиться.

— Мы поженимся, как только ты получишь диплом, — решительно заявил он, оставалось только согласиться.

Я впервые влюбилась. Сильно, страстно, до умопомрачения. Пашка стал для меня всем. Моим миром, моей вселенной, музой и первым мужчиной. Я, не задумываясь, переселилась в его однушку, родители не сказали ни слова против. Мне вдруг понравилось обустраивать быт, готовить и гладить рубашки. Я впервые почувствовала себя важной и нужной. Любимой, единственной. Без постоянного сравнения с идеальным образом сестры, без шпилек и колкостей. Это было прекрасно. Мы оба были технарями, оба могли часами сидеть за компом, не обращая внимания ни на что. Правда, мне приходилось периодически готовить и убирать, но это была небольшая плата за возможность целовать и обнимать любимого ночью.

Я получила диплом, на следующий день Пашка потащил меня в ЗАГС подавать заявление. Я летала, как на крыльях. Родители приняли живейшее участие в организации торжества, даже Лера подключилась, фыркнув, что без ее дизайнерского мастерства на свадьбе будет уныло и

грустно.

Впервые я была на первом месте в семье. Впервые никто не игнорировал мои просьбы. Иногда меня посещала мысль, что родители так обрадовались моей свадьбе потому, что им представилась возможность потренироваться на мне опять. Чтобы потом, на Лерочкином торжестве исправить все ошибки и недочеты. Но, возможно, я была неправа и слишком закопалась в самоедстве и зависти.

За месяц до свадьбы я переселилась в наш загородный дом в Подольске. Его нужно было привести в порядок для дальних родственников, которые должны вскоре приехать.

До свадьбы оставалось пару недель, когда я застала Пашку и Леру страстно целующимися в гараже. Сначала просто не поверила глазам, стояла и часто моргала, пытаюсь обрести четкость в полумраке полуподвального помещения. Но когда его губы таким знакомым движением переместились на шею и ниже, поняла, что мне это не кажется. Я развернулась и тихонько вышла вон. Наверное, струсилa. Наверное, нужно было вцепиться им в волосы, закатить истерику, грязно выругаться или еще что-то. Но тогда я просто была не уверена в способностях держать себя в руках.

После этого события некоторое время я пребывала в шоке. День просидела в своей комнате

перед компьютером, тупо пялясь в экран. В голове не укладывалось произошедшее.

— Ульяна, идем ужинать, — вечером в комнату заглянула мама.

— Не хочу, — ответила, не оборачиваясь, — ешьте без меня.

— Ты не простудилась? Что-то мне твой голос не нравится, хриплый какой-то.

— Все в порядке, — бросила я, принявшись усиленно стучать по клавишам, делая вид, что сильно занята.

— Обычный предсвадебный мандраж, — раздался в коридоре голос сестренки, — ничего страшного.

Оказывается, она пряталась за спиной у мамы. Я ничего не ответила, боялась, что сейчас расплачусь.

Дверь закрылась, и меня оставили в покое.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла воспаленные глаза. Жизнь была кончена. Самое обидное, что Лере Пашка был и даром не нужен. Она не любила технарей, а о моем женихе всегда отзывалась с презрением и насмешкой.

«Зачем?» — мысленно вопрошала я и не находила ответа.

Следующие дни я ходила по дому, как сомнамбула, ни с кем не разговаривая, ни о чем не думая. Мозги превратились в кисель. Потом я

все-таки немного пришла в себя и нашла в себе силы съездить в ЗАГС и отменить свадьбу. Родителям рассказала правду, но они не поверили. «Лерочка не могла такого сделать, — категорично заявила мама, — тебе показалось».

Я не стала спорить. Бессмысленно и бесполезно.

Лера уехала в Москву, сказала, что на конкурс дизайнеров. Но я-то знала, что она просто сбежала, как делала всегда, когда чувствовала себя виноватой.

Пашка же жутко разозлился.

Он меня потом долго убеждал, что это было помутнение. Причем, у меня в голове. Что они знакомились. Он целовал Валерию, как сестру, «а что тебе привиделось — твои проблемы». Что только я — любовь всей его жизни... И много еще всего разного. Переходил с темы страдальца на агрессора и наоборот. Я только молча сидела и слушала его крики. Лучшая защита — нападение. И этой защитой мой бывший жених пользовался изо всех сил.

Я ничего не понимала. Не хотела анализировать и размышлять — зачем это было сделано? Мозг по-прежнему пребывал в сильнейшем эмоциональном шоке, фильтруя слова, не давая вдумываться в их смысл. В итоге, он махнул на меня рукой и уехал к себе, напоследок

сказав, что я дура, из-за такой ерунды отменять свадьбу. Что я еще пожалею и все в таком роде. Родители уехали тоже, обвинив меня в зря потраченных деньгах и своих расстроенных нервах.

Я в очередной раз осталась одна.

Что за мысли бродили тогда в моей голове? Не помню. Что-то делала, о чем-то думала, что-то ела, куда-то ходила. Иногда приходила в себя, стоя на остановке возле Симферопольского шоссе, иногда глубокой ночью за включенным компом, иногда с трубкой в руке, почти набрав домашний номер Пашки.

Потом начались звонки. Все подруги и знакомые решили свести меня с ума. Только Женьке я рассказала правду. Мы дружили еще со школы. Именно она (а не мама) научила меня подкрашивать ресницы и губы. Именно ей иногда удавалось вытаскивать меня из раковины на свет божий — то в кино, то в клуб.

Именно с ней, спустя две недели затворничества, в день своей несостоявшейся свадьбы, я и согласилась выехать на шашлыки. Отметить, так сказать.

Я редко баловала своих друзей вниманием, предпочитая отсиживаться дома за компьютером. «Вот бы и отсиживалась дальше! — пронеслось в голове. — Нет же, захотелось «природы»...

А сначала все было чудесно. Кое-как склеив разбитое сердце, я нацепила на лицо доброжелательную улыбку и решила не портить друзьям настроение. Субботнее сентябрьское утро, птички, свежий воздух, солнышко. Нас было пятеро. Две парочки и я — одинокий хвостик. Заехали подальше в область, выбрали лесок. Разбили кемпинг — беседка, столик, стулья. Мальчишки поставили мангал, завозились с шашлыками, мы с девчонками открыли бутылку вина, сели в сторонке и начали перемывать косточки. Слово за слово, разговор перешел на Пашку. Чем больше они меня жалели, тем хуже мне становилось. Слезы стремительно и неумолимо подступали к глазам. Я хотела крикнуть «Хватит! Хватит твердить, какой он мерзавец и подлец! Он не такой, он хороший», но горло перехватило, горячий пульсирующий комок не давал выдавить ни звука. Я расстроено махнула рукой в чашу, сделав вид, что хочу в туалет и пошла прочь. На самом деле жутко, просто непреодолимо, хотела выплакаться...

Мне крикнули: «Только ненадолго, шашлыки скоро будут готовы»... Я не оборачиваясь, кивнула.

Отошла подальше в лес (думала не на много, может, метров двести-триста), прислонилась к

дереву и разрыдалась. Как ни прискорбно осознавать, но я его любила. Сильно, со всем пылом первого чувства. И до сих пор люблю... Увы. Невозможно разлюбить за две недели, даже несмотря на то, что разочаровалась в любимом человеке. Любовь тяжело покидала мое сердце, цеплялась, как репей, и не хотела отпускать... «Что может сравниться с предательством?» — грустно думала я и не находила ответа.

Паша мне кричал: «Ты видишь только белое и черное, ты не прощаешь ошибок, ты упряма и слишком горда»... Он кричал, что нужно уметь прощать, нужно быть мягче, женственней, добрее. Возможно, он прав. Я так и не научилась в своей короткой жизни компромиссам.

Я горько плакала, сетовала на несправедливость. «Как жесток этот мир», — шептала я. «Почему в нем происходят измены?» «Как хорошо было бы жить в мире, где любовь вечна и любимые не предают». Жизнь, казалось, кончена. Голова раскалывалась на мелкие острые кусочки, пульсировала болью, в ушах стоял гул, я ничего не видела и не слышала вокруг.

Когда плакать сил больше не осталось, в голову пришла мысль: «Девчонки будут меня искать, нужно идти назад». И поплелась в обратном направлении. Слезы по-прежнему застилали глаза, видела я плоховато, может, поэтому оступилась и

свалилась то ли в овраг, то ли в яму. Проехалась по спине, больно ударились пятой точкой и оцарапала руку. На миг я, наверное, потеряла сознание, так как в голове помутилось, а глаза заволокло чернотой. Когда через мгновение пришла в себя, то обнаружила, что сижу на теплой рыхлой земле, на дне ямы, жутко болит подвернутая нога, шорты порвались, светлая футболка превратилась в грязную пыльную тряпку, в волосы набилась земля, листья и мелкие ветки. «Ну вот, допрыгалась, — мелькнула мысль, — осталось только ногу сломать, и эта поездка надолго останется в памяти».

Поплакала еще немного... Теперь уже по другому поводу. Позвала на помощь. Но то ли я была далеко от кемпинга, то ли тихо кричала — ни через десять минут, ни через пятнадцать никто не явился на помощь. Пришлось выбираться самой. Яма была неглубокая, метра два глубиной. Я цеплялась за выступающие корни растений, впиваясь ногтями в рыхлую мягкую землю, и все-таки выбралась наверх. Стемнело. «Уже так поздно?» — я посмотрела на часы. Час дня. То есть отсутствовала я не больше двух часов. Странно... И никто меня не ищет. Я даже немного обиделась на друзей. Грязная, оцарапанная, с большим синяком на бедре и распухшим от слез лицом, я, наверное, представляла пугающее зрелище.

«Славная поездочка», — вздохнула и пошла

по направлению к кемпингу...

И вот иду уже четвертый час, а друзей не видеть... А что самое странное — телефон отказывается ловить сеть, так что я даже не могу позвонить.

Окончательно стемнело. Я давно начала замечать, что деревья, да и по правде, все растения в лесу какие-то странные. И только в темноте ясно определила эту странность. Стволы, листья и даже трава — светились. Мягким, рассеянным светом, и что самое непонятное — они излучали тепло. Когда я в очередной раз прислонилась в изнеможении к дереву, то тут же отпрянула в страхе — кора была горячей. Не обжигающей, но ощутимо теплой. Сначала я подумала, что у меня жар: поднялась температура, и я брежу. Это было правдоподобным объяснением всего того, что я видела вокруг... Так как по другому не могла ничего понять и придумать... Лес был удивительным, необычным, не похожим ни на что ранее виденное мной. Ни в России, ни за рубежом, ни по телевизору, ни по интернету.

«Все, Ульяна, — сказала я себе, — приплыли. Ты получила заражение крови от царапины в яме. У тебя бред. Ты умрешь, бесконечно блуждая по лесу, и никогда не увидишь маму и папу». Впервые стало по-настоящему страшно... До жути, до паники... Слезы опять потекли из глаз... Я начала

припоминать разные ужасы, прочитанные в интернете... Только за последний год в России пропало без вести несколько десятков тысяч человек, а во всем мире? Неужели вот так закончится моя недолгая жизнь?...

Я чувствовала себя разбитой, уставшей, отчаявшейся и голодной. Но ночью куда-то идти было чистым безумием. Прислонилась спиной к горячему толстому стволу дерева, откинула голову и затихла, впитывая кожей приятное тепло. Посмотрела вверх. Небо было угольно черным, незнакомые созвездия насмешливо подмигивали мне с высоты. Я попала в нереальную сказку. Меня окружали светящиеся ветки деревьев, причудливые замысловатые узоры, словно вышитые тонкой блестящей нитью, украшали листья, яркие искорки вспыхивали в траве... «Какой интересный бред», — устало подумала я и закрыла глаза...

* * *

Проснулась на рассвете от щебета птиц. Мой «бред» никуда не делся. Я по-прежнему находилась в заколдованном лесу. Только ствол уже почти остыл, листья не светились... Я заметила в кроне деревьев разбудившую меня птаху. Она сидела прямо передо мной и радостно щебетала, приветствуя утро... Непонимающе уставилась на

оперение... Даже я, далекая от ботаники и биологии, жительница мегаполиса, не могла не вспомнить, что длиннохвостые какаду (а эта птица была почти копией яркого попугая) не обитают в нашем континентальном климате... Тут меня кольнула тревога уже по другому поводу. Потрогала лоб — температура была нормальной. Царапина затянулась и почти не болела (зря я впала в панику вчера). Значит, я в твердом сознании и бреда у меня нет. Еще раз внимательно присмотрелась к растениям.

«Мамочки!» — всхлипнула я протяжно. Куда я попала??? Это не Московская область. И боюсь, даже не Россия... «Не буду об этом думать сейчас», — решила я, быстро затолкав предыдущую мысль в дальний уголок головы.

Голод и жажда все больше и больше давали о себе знать. Я поднялась на измученные ноги и побрела, куда глаза глядят, выбрав направление на север. Вскоре пошел небольшой теплый дождь. Я ртом ловила капли, потом додумалась сорвать большой лист и пить с него. «В кого я превратилась?» — горестно подумала, опустив глаза вниз. Выглядела я ужасно. Шорты давно превратились в тряпку, изорванная, грязная футболка потеряла свой первоначальный розовый цвет и сейчас, наверное, ее бы не одел и бомж на свалке. Кроссовки еще держались, но промокли

насквозь. «Если выберусь, — мысленно поклялась я себе, — из Москвы ни ногой. От природы меня отвернуло навеки». О Паше я уже не вспоминала... Правду говорили философы — высокие чувства отступают на второй план, когда вперед выходит выживание и примитивный голод.

Я совершенно отупела от усталости, голода и отчаяния. И когда заметила двух странноватого вида мужчин среди деревьев, пару секунд только стояла и непонимающе хлопала глазами.

— Ола? — один из них развел руки, словно собирался обнять.

Другой стоял и ухмылялся... В странной кривоватой улыбке мне почудился извечный мужской интерес к женщине. Я вздрогнула. Для полного счастья мне не хватало только быть изнасилованной какими-то иностранцами с жуткими рожами... Я резко развернулась и рванула в противоположную сторону. Откуда только силы взялись. Я слышала неразборчивые крики сзади, похоже, мужчины бежали за мной. Я, не глядя, неслась по лесу, огибая кусты и уворачиваясь от веток. Мужчины не отставали... «Долго я так бежать не смогу», — билась в голове паническая мысль. Ноги дрожали и подкашивались... Пару раз споткнулась и ободрала локти, зацепившись за колючие ветки.

— Ола! Кнова фи, — что-то орали они мне...

Я не слушала. Паника еще толкала вперед, заставляя ноги передвигаться, но я уже чувствовала, что силы на исходе. Вдруг я вылетела из густого леса на большую поляну. В центре возвышался красивый ухоженный дом. Немного странный на вид, но я обрадовалась ему как родному. Подлетела к крыльцу и забарабанила в дверь.

— Откройте! Пожалуйста, впустите меня! — рыдала я.

Воздух хрипами вырывался из тяжело вздымающей груди. Оглянулась — мужчины так же выскочили на поляну. Я еще сильнее забарабанила в дверь. Слава Богу, она отворилась.

На пороге показалась миленькая совершенно седая старушка в широких разноцветных брюках и яркой хипповой жилетке... Я даже сразу не обратила внимания на необычную внешность женщины, раскосые глаза, удлинённый череп, немного непропорциональное тело, только умоляюще сложила руки и вскрикнула: «Помогите мне, бабушка... Они за мной гонятся». Старушка непонимающе уставилась на меня, пожевала губами, потом перевела взгляд на мужчин. Те уже подошли к дому.

— Киа ри? — произнесла она строго.

Я усиленно пыталась разобрать язык. Ни на один изучаемый мной в школе не похож...

— Ди, ола, — немного смущенно пролепетал

один из мужчин, — винара ка, ола... Мит элана.

Я только стояла, тяжело дыша, прижав руку к выскакивающему сердцу. Мужчины после небольшого разговора бросили на меня странный сожалеющий взгляд, развернулись и потопали обратно в лес. Старушка кивнула внутрь дома: «Ари»... Я зашла, едва передвигая дрожащие конечности. После недавнего спринта по лесу ноги подкашивались, и я ухватилась за стену, чтобы не упасть. Женщина поддержала меня на удивление сильной и твердой рукой, подвела к чему-то похожему на кушетку. Я упала на нее и закрыла веки.

— Спасибо, — прошептала я, — спасибо... Слезы опять заструились из глаз. Наконец, я добралась до цивилизации... Наконец, я у людей... Неимоверное облегчение и благодарность охватили меня.

Я выбралась

— У Вас есть телефон? — обернулась я к женщине.

Она непонимающе на меня взглянула... Я вытщила свой, показала пальцами перебор кнопок... Нет? Вращение диска... Нет? Поднесла руку к уху... Опять не поняла.

— Ти кува? — женщина показала рукой на

рот.

Я увлеченно закивала. Это я понимаю. Есть хотелось ужасно. Она проводила меня на кухню (по крайней мере, я думаю, что эту комнату можно было так назвать). Поставила передо мной плоское блюдо с множеством маленьких тарталеток. Я кивнула с благодарностью. Сейчас мне не до того, чтобы привередничать, съем все... Тарталетки оказались крошечными бутербродами, со вкусом чего-то мясного, хлебного и овощного. Странная приправа будоражила рецепторы. Мне дали запить напитком в мягкой (изгибающейся?) емкости без крышки. Но мой мозг уже настолько отупел, что не воспринимал ничего странного. Ни чудного интерьера дома, ни экзотической внешности приютившей меня женщины, ни яркого необычного наряда на ней (на вид старушке было никак не меньше восьмидесяти).

Глаза стали слипаться. Женщина опять подхватила меня (я в очередной раз поразилась, какие сильные у нее руки, совершенно не старческие) и повела в какую-то комнату. Уже сквозь сон чувствовала, как меня раздевают, обрызгивают чем-то свежим и прохладным, обдувают (ветром?)... И я провалилась в сон.

* * *

Утро не добавило ясности. Айфон умер, часы показывали странное время — десять минут шестого... На вечер не похоже... Утра? Солнце сияло почти в зените... «Понятно, — вздохнула я, — часы тоже на свалку». Я находилась в постели совершенно раздетая, на краю кровати лежало что-то типа тонкого длинного балахона, опять яркой хипповой расцветки. «Что ж, — мысленно решила я, вставая и одеваясь, — пора разобраться во всей этой кутерьме». Сейчас, выспавшись, на ясную голову, я вспомнила все — и странный лес, и теплые деревья, и сияющие листья, и экзотическую внешность мужчин, женщины, что приютила меня... И иностранный язык, даже близко не похожий на распространенные языки Земли. Я старалась не паниковать, но получалось плохо. Сердце колотилось, внутри все мелко дрожало. Я балансировала на грани паники, боялась себе признаться и не озвучивать даже мысленно окончательный вердикт — где я оказалась.

Старушка уже поджидала меня в гостиной (прихожей?)

— Ти мроир зак? — ласково улыбнулась мне.

Я перевела, как: «Ты хорошо спала?» и с (почти) искренней улыбкой кивнула и сказала: «Да, спасибо». Меня повели завтракать. Я осматривалась и тихонько сходила с ума, погружаясь в отчаяние. Это не мой мир. Это не Москва, не Россия, и не

даже не Земля... Все было другое. Чужое. Нет, даже не так. Чуждое, инородное. Испугало даже то, как женщина послала по воздуху в моем направлении тарелку с подобными вчерашним бутербродами. Я отшатнулась, но тарелка, пролетев по дуге около двух метров, четко приземлилась на стол передо мной.

После завтрака женщина повела меня за руку в другую комнату, усадила в кресло, села напротив и начала говорить. Чем дольше она говорила, тем сильнее и сильнее я впадала в отчаянье. Слезы потекли из глаз.

— Я ничего не понимаю! — всхлипнула я. — Простите, но куда я попала? Где я?! Что происходит?!

Я, уже не сдерживаясь, рыдала. Истерика, которую так тщательно загоняла глубоко внутрь, наконец, выбралась и поглотила меня целиком.

Старушка что-то сказала и погладила меня по руке. Дотронулась до щеки, провела по скуле, очертила контур ушей... Я замерла, как испуганный зверек, и ничего не хотела понимать. Я дико, до ужаса, боялась заметить, что уши у женщины чуть вытянутые и прижаты к черепу, что глаза раскосы (причем не так, как у восточных народностей на моей планете, а красиво загнуты кончиками вверх, словно кошачьи), что брови абсолютно прямые, доходят почти до висков, а из тонких губ

выступают небольшие треугольные клыки. Я не хотела впустить это знание внутрь, так как это значило, что я потерялась навсегда. И я в другом мире.

* * *

Как и когда это случилось? Когда я упала в яму? Или когда рыдала о предательстве и проклинала свою несправедливую судьбу? Мысли путались, я еще цеплялась за призрачную надежду, что я ударилась головой и брежу. Возможно, сейчас лежу в больнице под капельницей и все происходящее — сон? Но нет. Прошел день, прошел второй, а я так и не «очнулась от бреда».

Несколько дней я рыдала в «своей» комнате. Ничего не ела и не разговаривала с приютившей меня женщиной. Только пила воду из странного сосуда с трубкой, регулярно появляющегося в нише, у двери. Старушка иногда заходила, гладила меня по голове, что-то успокоительно щебетала на своем языке и качала головой. Всепоглощающий страх, дикий, неконтролируемый, охватил меня всю, похоронив под собой слабые остатки разумных мыслей.

Только я вспоминала о папе и маме — слезы градом. Я выла, как раненое животное, проклинала и шашлыки, и Пашку. Прошлась злыми словами по

«доброте и участии» друзей и своей собственной дурости. В полнейшем отчаянии я даже молилась, с трудом вспоминая где-то прочитанные мимоходом молитвы. Но, увы, ничего не помогало. Я, как и раньше, просыпалась в светлой, просторной комнате с гладкими теплыми стенами.

Наконец, слезы кончились. Голова гудела и пульсировала от боли. Однажды утром я встала с кровати с твердым решением — если я как-то сюда попала, значит, есть способ отсюда и выбраться. И я его найду! А для этого, как минимум, нужно найти в лесу ту яму, куда я угодила. Сама я это место не обнаружу, значит, мне нужна помощь.

Я вышла из комнаты и пошла искать хозяйку. Домик был небольшим. Одноэтажный коттедж, сложенный из желтого камня, размером на пять комнат, со странной крышей, на которой я заметила чудные приспособления, вроде флюгеров. Я нашла женщину на заднем дворе. Мне показалось, что старушка перебирала плоские, то ли металлические, то ли пластиковые пластины, складывала их рядами в отверстия решетки.

— Простите меня, — старушка обернулась и радостно улыбнулась мне, — научите меня своему языку? Для верности я показала на свой рот и махнула рукой вокруг. Потом ткнула себя в грудь и сказала: — Меня зовут Ульяна, а Вас?

Женщина чуть свела брови вместе и

чирикнула:

— Илиана?

— Нет, — усмехнулась я, — Ульяна, можно Уля.

— Илья? — опять повторила она.

Я вздохнула и кивнула. Ладно, пусть будет Илья.

С этого момента я стала сознательно отсчитывать дни пребывания здесь. Женщину звали Вида. И она (бывает же такое!) работала лесником, присматривая за местным лесом.

Только через три недели я начала более-менее объясняться. И первой же просьбой было показать мне лес.

— Я хочу вернуться домой, Вида, — часто говорила я женщине и она понятливо кивала мне, — я обязана найти ту яму, в которую свалилась. Она — переход между мирами.

Вида отвечала, что лес тянется на десятки тысяч улит (один улит приблизительно тысячу шагов, как потом я посчитала), и откуда я пришла — неизвестно. Чтобы обойти его весь, потребуется много месяцев. Я ответила, что готова ждать и буду учиться. На том и порешили.

* * *

Виде было сто десять лет (по-здешнему дат).

Правда, я пока еще не знала, какому количеству дней на этой планете равняется год, но судя потому, что сутки длятся почти столько же, сколько и на Земле, исчисление должно быть похоже.

Выглядела женщина отлично для своих лет. Была подвижна и энергичная. Тогда, когда она со мной не занималась, устраивала обход близлежащих участков леса (я всегда напрашивалась с ней), отмечала краской (что-то типа большого маркера) старые или больные деревья, они (объясняла мне она) предназначены для рубки. Я тщательно искала знакомую поляну, где я ночевала в первую ночь, или хотя бы пенек, где сидела — тщетно. То ли я была в таком неадеквате, что ничего не запомнила, то ли, когда убегала от мужчин, слишком запутала следы... Но я не унывала. Сколько того леса! Всего-то сотня тысяч квадратных километров!

Кстати, через неделю после моего «выхода в свет» к дому Виды пришел один из тех мужчин, что меня преследовали. Я еще плохо понимала язык, поэтому в разговоре не участвовала. Спрятавшись в доме, с тревогой выглядывала в окно, прислушиваясь к незнакомому чириканью. Вида резко и грубо отвечала мужчине, тот, склонив голову, что-то бубнил, хлопая себя ладонью по груди. После тревожного для меня разговора мужчина, бросив пристальный взгляд на дом,

нехотя развернулся и потопал в лес.

Когда женщина вошла в дом, я перепугано спросила, что он хотел? То ли я не поняла, то ли Вида пошутила, но, по-моему, я расслышала: «Тебя». Я еще неуверенно себя чувствовала, периодически впадала в истерику и беспрерывно рыдала, так, что глаза тут же набухли слезами...

Вида ласково погладила меня по щеке.

— Не бойся, — произнесла она, тщательно выговаривая слова, — Бивар ничего тебе не сделает. Он просил иногда приходить в гости. Они не хотели тебя испугать, только познакомиться... И мне показалось, или она добавила слово «Охаживать? Обхаживать или ухаживать?» Я еще плохо знала язык и испугалась.

Меня окружал абсолютно непонятный новый мир, я была оторвана от привычной жизни, от родителей, от друзей. Ощущение потерянности, безысходности, откровенной чужеродности всего, что меня окружает, ужасало. Я впадала в истерику быстро, даже не нужно было серьезного повода. Жутко трусила и пугалась собственной тени. Тем паче незнакомого настойчивого мужчину. Но зато после очередного его прихода, видя мое паникерское состояние, старушка выделила мне из своих запасов темную плотную косынку и показала, как завязывать, чтобы прикрывать уши и часть скул.

— Ты не похожа на нас, — произнесла Вида, — будет лучше, если ты пока будешь прятаться.

Я с радостью согласилась. Прятаться — то основное действие, которое стало для меня актуальным на долгое время. Косынка очень помогла. Впоследствии я стала ее завязывать на манер древнерусских крестьянок. Полностью скрывая лоб, виски, скулы, оставляя открытым маленький треугольник на лице. Тяжелый узел длинных волос, забранных вверх, немного удлинил мой череп, сделав его похожим на местных. Я превратилась в пугливого, робкого мышонка, ходила за Видой, как привязанная, боясь отойти даже на пару шагов. Она стала для меня всем в этом мире — наставницей, подругой, кормилицей, защитницей.

Наши прогулки по лесу частенько превращались в лекции. Я рассказывала о своем мире, она о своем. Сначала меня интересовали теплые деревья и светящиеся листья. Потом, плита без огня, освещение дома без светильников, потом летающие предметы и много другого... Постепенно, день за днем, неделя, за неделей, я начала приобретать необходимые знания...

Мир, куда я попала, представлял собой развитую техническую цивилизацию. Но было существенное отличие от нашего — энергия,

которая обогревала дома, рассеивала тьму, позволяла быстро передвигаться и готовить еду, была возобновляема, в отличие от земной. Я нашла только один подобный (и вряд ли их можно было бы сравнивать) источник энергии — наши электростанции, где сила воды заставляет крутить турбины... Пожалуй, все.

Здесь же, на планете Илимас, абсолютно все субстанции — камни, деревья, земля, металл и прочее, умели накапливать, сохранять и отдавать энергию. Зарядившись, в дальнейшем становились такими аккумуляторами. Деревья в течение дня накапливали энергию солнца и ночью отдавали ее, освещая лес и согревая путников. Из специальных камней строили дома. И песчаник, и гранит, и здешний аналог мрамора так же имели свою энергоемкость, рассчитанную на поддержание в доме определенной температуры в течение суток, освещения (сначала я даже плохо спала, так как полной темноты в спальне не было никогда — стены всю ночь светились слабым рассеянным светом). Местные ученые, зная энергоемкость каждого материала (и создавая новые, смешивая, сплавляя разные виды) могли приспособливать их под индивидуальные потребности.

Пластины из специального минерала, заряженные на ветру, приводили в движение легкие повозки, переносили по воздуху письма и посылки.

Именно так, в первый мой день, Вида испугала меня летающей посудой. Она думала, что меня это развеселит. Потом женщина извинялась. Батареи, накопившие энергию мощного течения рек и морских прибоев, использовались в промышленности и на предприятиях. А заряженные на солнце, отдавали тепло и свет.

Энергия пронизывала этот мир сверху донизу, даже деньги здесь были — копии маленьких энергетических батарей. Они делались из специальной редкой руды, добываемой в карьерах, и имеющей самую большую энергоемкость на планете. От вида энергии различались и ценность денег. Самой дешевой, естественно, были «солнечные» деньги, так как солнце было повсюду. Самой дорогой — гравитационные. Такая батарея заряжалась несколько лет и могла перемещать по воздуху тяжелые предметы и людей. Отличались деньги и по цвету. Солнечные энергетические батареи были желтого цвета, ветряные — голубого, водные — насыщенного синего... и так далее... Полностью заряженные батареи находились в специальных, удерживающих их магнитных ловушках. Иначе, батарею невозможно было взять в руки, она могла вырваться и улететь, или сильно обжечь, или еще что.

Кстати, человеческая кожа так же, пусть и немного, но умела накапливать энергию. Однажды

я целый день пробыла на солнце и испугалась, когда вечером почувствовала у себя температуру. Я вся горела и светилась. Выслушав мои перепуганные вопли, Вида объяснила, что и человек так же умеет принимать и отдавать энергию. Но энергоемкость кожи слабая.

— Ты завтра постой хотя бы час на сильном ветру, Илья, — смеялась Вида, — а потом пробегись. Вот увидишь, как получится...

Я так и сделала. Тело словно потеряло десяток килограмм, стало легким, невесомым и быстрым. Правда, через час пробежки по лесу все вернулось на круги своя, но сама идея мне понравилась. Не понравилось только стоять на крыше несколько часов, «заряжаясь».

* * *

Это было безумно интересно для меня, человека, выросшего на механике и электричестве. Но более менее понятно... Совершенно непонятно было другое — в Илимасе всем управляли некие Боги. Услышав это, я впала в полнейший шок.

— Боги? У вас есть Боги? — ошарашенно лепетала я. — Ты их видела? Как они выглядят? Что делают? Это же невозможно... С ума сойти...

У меня не было слов. И восхищение, и страх, и неверие разрывали меня на части. Для меня это

было так волшебным, странно, невыносимо. И то, что Вида так обыденно и просто об этом говорила, убивало. Мне казалось, нужно преклоняться, трепетать, боготворить, а она произносила слово «Боги» буднично и привычно.

— Илья, — говорила она, — ничего такого в этом нет. Мы привыкли к ним. Сколько длится наша цивилизация, столько они и управляют нами. Думаю, они есть и у вас в мире, но ты просто не знаешь...

— У вас есть материальное подтверждение их существованию? — наконец у меня включилось логическое мышление. До этого момента я ошеломленно сидела рядом с Видой и хлопала глазами. — Потому что у нас на Земле этого нет.

— Конечно, — заявила женщина, спустя несколько секунд, она до сих пор не могла привыкнуть к моему способу выражать мысли, особенно, когда я земные понятия пыталась втиснуть в их странный язык.

— И какое? — осторожно поинтересовалась я, ожидая чего угодно — от ездящих на облаках белобородых старичков в балахонах до эквивалента греческого Олимпа.

— Существуют Храмы, где Боги общаются с народом, — ответила Вида, — они расположены не в каждом поселении, но нам повезло, у нас он есть... И это хорошо, потому что сегодня утром мне

пришло сообщение — Боги прознали о твоём существовании и требуют, чтобы ты зарегистрировалась.

Я тут же напряглась.

— Зачем? Мне и так прекрасно живется... — испуганно пробормотала.

С моего появления в этом мире прошло уже полгода (по моему земному исчислению). Я пока не нашла заветную яму, но не унывала. Несколько десятков улит леса вокруг Видиной поляны я уже хорошо знала, как свои пять пальцев.

— Все люди, живущие в гряде, должны быть зарегистрированы... В основном их регистрируют при рождении, но у тебя случай особый... — Вида с сожалением на меня посмотрела... — Илья, ты не нервничай, тебя сразу не переместят... Я скажу, что ты у меня на поруках.

У меня задрожали губы. Куда меня могут переместить? Какая регистрация? Сердце испуганно трепыхнулось, и слезы тут же выступили на глазах.

— Илья, — женщина погладила меня по руке, — тебе все равно придется вливаться в наш мир. Приспосабливаться. Я скоро буду уходить...

Я вытаращила глаза, ничего не понимая... Вида вздохнула.

— Илья, я тебе все расскажу. Сначала давай съездим в Храм и пройдем регистрацию, потом

поговорим.

Пришлось послушаться. Как бы мне не хотелось сидеть в коттедже посреди леса и не высовываться, но Вида права — нужно начинать жить. А если мне придется быть в этом мире еще год? Если я не смогу найти эту чертову яму еще два или три года? Я старалась не думать об этом, не хотела думать о родителях, оставшихся в Москве, сестре, брате, и об их полном неведении относительно моей судьбы. Я с невероятным упорством и остервенением каждый день пропадала в лесу, наматывая улиты, но пока безрезультатно.

Наутро Вида достала из каких-то глубин странный трансформер. Раскрывшись, он оказался небольшой двухместной повозкой на трех колесах. Автомобиль был маленьким, легким и очень простым. Он отличался от наших навороченных машин с аудиоаппаратурой, камерами, климат контролем, как небо от земли. Сделан из странного материала, прочного и легкого. Не металл и не дерево... Двигателя нет, баков для топлива тоже. Похож на волшебные сани, из сказки о Емеле... Я обошла его кругом, надеясь понять принцип работы. Потом сообразила. Вида вынесла из-за дома несколько «ветряных» батарей. Вставленные сзади в специальные отверстия, они постоянно толкали повозку вперед, поэтому главной педалью был тормоз, а не газ, как у нас. И прежде, чем

вставить батареи, Вида включила «ручник». Потом кивнула: «Залезай».

Батареи, как мне пояснила женщина, были самые дешевые и заряжались на крыше. Их хватало всего на одну поездку туда и обратно. Сама она редко ездила в поселок. Вещи, еду и почту ей переправляли прямо к коттеджу.

Мы залезли внутрь. Вида в очередной раз (третий за последнюю минуту) тяжело вздохнула и покачала головой. Еще утром, увидев меня, она впала в недоумение, и до сих пор не могла прийти в себя. А посмотреть стоило. Вырядилась я — хуже не придумаешь. Бесформенный балахон (сама сшила из отданных мне женщиной платьев), плотный серый платок закрывал почти все лицо. Выбеленные брови и ресницы превратили меня в бледную серую немочь, типа альбиноса. У Виды была кое-какая декоративная косметика, которую она отдала мне несколько месяцев назад. Я постоянно экспериментировала и тренировалась с новыми неизвестными кисточками, магнитными порошками, красками, проводя свободные вечера за этим занятием. Впервые у меня были и время, и желание для косметических процедур, но вряд ли мои московские подружки обрадовались бы сейчас моим «умениям» украшать лицо.

Пудрила губы, рисовала новый контур, чтобы они казались тонкими и бескровными, клеила

родинки и скашивала глаза. В общем — без отвращения не взглянешь. Я до жути боялась вызвать любой интерес к своей особе (те мужчины, которых я встретила в свой первый день, с завидной регулярностью попеременно появлялись у порога коттеджа). Сначала Вида просто отсылала их прочь, потом (когда я научилась более менее связно объясняться) стала приглашать меня на эти встречи.

Мужчины (а они, при ближайшем рассмотрении, оказались молодые и симпатичные, по местным меркам) попеременно приглашали в лес прогуляться (ага, щас!), сходить в ночник (сначала я испугалась, но потом Вида мне перевела, что это типа местного клуба, начинающего работать с заходом солнца). Скорее всего, их привлекала моя необычная внешность. Круглые большие глаза, непривычно изогнутые брови, пухлые губы, явная непохожесть на местных. Поэтому вскоре я стала ходить в балахонах, объемных платках и пользоваться косметикой, только совершенно в противоположных от красоты целях.

* * *

Ехали мы недолго. Коттедж лесника находился на самой границе леса, и до поселка можно было дойти пешком за несколько часов. Его мы объехали по дуге, не заезжая. Я уже бывала в

нем и ничего интересного не обнаружила — обычные домики, только опять же раскрашенные в яркие цвета и узоры. Но когда мы выехали за его пределы, тут я и обомлела. Вдалеке возвышалось высоченное строение, наподобие наших земных пирамид, только более остроугольное. Здание было абсолютно белым и сверкало на солнце так ярко, что глазам стало больно на него смотреть.

— Это и есть Храм, — произнесла Вида, обернувшись ко мне.

Я сидела с открытым ртом и медленно офигевала. До этого момента я не верила, что такое возможно. В моей голове не укладывались понятия «Боги» и автомобиль, технический прогресс. В полнейшем ступоре я сидела в кресле, пока Вида не дернула меня за руку, вытягивая из авто.

Мы вошли внутрь. Не знаю, что я собиралась увидеть, но огромное помещение было абсолютно пустым. Только золотая пыль сверкала в воздухе, медленно оседая на белый пол. Стены светились, потолок, купол над головой — все ослепительно сияло. Я прикрыла глаза от нестерпимой рези.

— Иди в центр, — тихо произнесла Вида, и я механически двинулась вперед, осторожно ступая по гладкому теплomu камню.

Когда остановилась (мне показалось, я нахожусь точно в центре зала), сверху, из купола брызнул свет. Словно я попала под лазерный

прожектор. Он окутал меня теплом, я почувствовала, как тело становится невесомым и легким. Обычно, после чего-то непонятного, я впадаю в панику, но сейчас мне было так спокойно и хорошо, что я заулыбалась.

Раздался негромкий мелодичный голос.

— Начинается регистрация, — прозвучал голос, — кто представляет особь?

— Я, — отозвалась Вида.

Я даже не повернула голову.

— Биологический возраст девятнадцать дат.

Внутри всколыхнулось возмущение, которое тут же исчезло. Мне двадцать четыре, а не девятнадцать. Но потом вспомнила, что год насчитывает здесь больше дней, чем на Земле, и день тянется тридцать часов, и если посчитать, то, наверное, мне действительно девятнадцать. Голос продолжал:

— Представитель, озвучьте имя.

— Илья Вида, — произнесла Вида. Как я потом узнала, имена в мире даются просто приставкой того, кто регистрирует человека. Если мать — имя матери, если отец — отца. Вот так все просто.

Свет засиял еще ярче, хотя казалось, сильнее уже невозможно. Я закрыла глаза.

— Все? — прошептала испуганно.

Голос сверху не заставил себя долго ждать.

— Илья Вида зарегистрирована. Место настоящего проживания Гряды Актус 3. В двадцать лет вы должны сделать первый выбор.

Свет резко погас. Я чуть было не упала на пол от внезапного ощущения своего тела, такого тяжелого и неповоротливого. Почему-то побаливала правая рука. Иголочками кололо до самого плеча. В глазах плясали зайчики. Осторожно, чтобы не упасть, я медленно потопала по направлению к выходу. Там и столкнулась с Видой. Я с трудом приоткрыла глаза. Старушка быстро шепнула: «Дома все расскажу». Мы сели в повозку и направились в лес.

И только после того, как разделась и сполоснулась в душе, я увидела на внутренней стороне запястья что-то вроде трехмерного штрих-кода. «Боги меня поместили», — мелькнула тревожная мысль. Я надела халат и потопала к Виде. Не отстану, пока она мне все не расскажет!

Оказывается, Боги в этом прекрасном (как я наивно считала ранее) мире были довольно строги и авторитарны. Они регламентировали всю жизнь людей, населяющих Илимас. До тридцати лет каждый человек на планете должен был сделать выбор. Точнее, три выбора — профессию, место постоянного проживания и пару. Как убеждала меня Вида, выбор осуществлялся по самым ярким способностям и предпочтениям, которые они

видели в человеке.

— Какой ужас! — бесконечно восклицала я, слушая старушку.

То, что я была в шоке, после ее рассказа — ничего не сказать.

— А какой именно выбор я должна буду сделать в двадцать лет? — вспомнила я странную фразу, сказанную «Богами» в храме.

— Любой, какой угодно. Или профессию, или место, где жить, или пару, с которой заведешь семью. Эти действия можно делать в случайном порядке. Например, — Вида терпеливо объясняла мне правила, — если ты захочешь сразу выйти замуж, то дальнейшее твое действие — выбор места жительства будет скорректирован исходя из места жительства твоего избранника... А, возможно, вас переселят обоих.

— Значит так, — задумчиво озвучила я свои мысли, — чтобы искать переход между мирами, мне необходимо оставаться вблизи твоего леса, — я пристально смотрела на Виду и, дождавшись ее кивка, продолжила, — опять же, пару я выбрать тоже не смогу, так как автоматически это означает замужество, и, возможно, переезд туда, где живет жених, — Вида кивнула опять...

— Значит, — сделала я вывод, — остается только профессия...

Я ужасно была расстроена и подавлена. Вида

видела мое угнетенное состояние и пыталась приободрить.

— Илья, все замечательно. У тебя еще есть время.

Ага! Целый год впереди! Иногда, от ее детского наивного оптимизма коробило. Вида в свои сто была похожа на жизнерадостную девочку. Я ни разу не видела ее хмурой или чем-то расстроенной. Она совершенно не удивилась моему появлению здесь. Приняла как должное переход между мирами. На все был один ответ: «Так решили Боги». Хорошо, наверное, когда есть на кого переложить ответственность.

— А профессия? — спросила я немного раздраженно. — Что нужно будет с ней делать?

Вида улыбнулась.

— Посмотри на меня. Мне всегда нравилась природа, лес, растения. Я с детства люблю возиться с огородом, цветами. Я — смотритель леса. Это как раз то, что мне больше всего хотелось делать. Так что ты не переживай, тебе Боги так же дадут заниматься твоей любимой деятельностью.

— А если нет?! — воскликнула я возмущенно. — Если они заставят меня рисовать картины или петь песни?

— Значит, у тебя есть талант к рисованию, просто ты об этом не подозревала, — весело заявила она. — Боги все знают о каждом человеке,

о его предпочтениях и наклонностях...

— Р-р-р-р, — яростно зарычала я, перебивая старушку.

Во мне поднималась волна гнева. Я еще не осознала всю масштабность сих божественных заповедей, но мне уже поплохело от них.

— Одна профессия на всю жизнь? Один мужчина на всю жизнь? Одно место жительства на всю жизнь? — сквозь зубы поинтересовалась я. — Так же можно со скуки сдохнуть!

И тут на задворках сознания забрезжило воспоминание... Я же сама хотела, чтобы в мире не было измен и предательства... Чтобы один любимый и на всю жизнь, гарантированно... Только вот мир не уточнила... Я тихонько застонала... Как говорится, бойся своих желаний, а то они могут исполниться.

— Подожди, — произнесла я уже более спокойно, — а если сведенные Богами женщина и мужчина не влюбятся друг в друга? Так и будут всю жизнь жить вместе, тихо страдая?

— Конечно, влюбятся, — успокоила меня Вида, — еще раз говорю. Боги подбирают друг другу лучшую пару. Самую идеальную.

Я только скептически поджала губы. У меня не укладывалось в голове, что за меня будут решать, с кем мне спать и рожать детей.

— Ладно, будем надеяться, что за ближайший

год я все же найду эту чертову яму, — пробормотала себе под нос, — иначе... Дело дрянь.

Вида сочувственно смотрела на меня. Она действительно, не понимала. Я прекратила препираться со старушкой. В чужой дом со своим уставом не ходят. Она так привыкла. То, что для меня кажется неестественным, для нее — понятно и привычно. Например, дождь, который шел каждый день в девять утра и в десять вечера в течение часа. Что еще может быть естественнее?

— Вот скажи, чем ты занималась в своем мире? — после паузы поинтересовалась она.

Я тяжело вздохнула.

— Закончила институт. Специальность — бухгалтерский учет, управление и аудит, — и саркастически усмехнувшись, добавила: — А у вас здесь есть подобное?

Вида неуверенно покачала головой...

— Какие странные слова. Не припомню...

— То-то же, — вздохнула я.

— Боги лучше знают, — убежденно заявила женщина, — они обязательно тебе что-то придумают по твоим способностям.

Я не стала ее разубеждать в ее вере.

— Самое безопасное пока для меня — это выбор профессии. И если за эти четыреста дней я не найду проход между мирами, пойду в Храм именно для этого, — твердо решила я.

— Девочка моя, — Вида ласково погладила меня по руке, — ты привыкнешь. Боги добрые и милосердные, они будут во всем помогать тебе.

— Это как? — настороженно спросила я.

— Помогать в работе, — пояснила Вида, — люди, которые выбрали работу по профессии, данной в Храме, не бывают бедны. Они работают и зарабатывают. Им везет в этой сфере деятельности. Боги помогают им, направляют. Поэтому, если ты хочешь жизни в достатке, иди в Храм. Так поступают почти все...

Я ухватилась за последнюю фразу.

— Почти все? А что, есть те, кто не захотел выбирать? Кто пошел против системы? — меня охватил азарт.

— Конечно, — усмехнулась Вида, — бывают и такие... Люди ведь разные. Есть и, как ты сказала, «бунтари». Но их очень мало. Я встречала в своей жизни всего нескольких человек...

— И... — приподняла я брови, — что мне грозит, если я не пойду в Храм?

Вида нахмурила брови.

— Я бы тебе не советовала, — начала она, — тебя будут преследовать неудачи, бедность, боль...

— Боль? — воскликнула я, перебив старушку, — какая боль? У вас же нет болезней!

— Я не знаю, что это такое... — беспомощно смотрела на меня Вида, — я ее ни разу не ощущала,

ведь я не ослушивалась Богов, — но говорят... Человеку очень плохо. В конце концов, он умирает преждевременно.

— Понятно, — пробормотала я, — уничтожают бракованный материал. Добрые Боги...

Я надолго задумалась. Вида пошла на кухню готовить обед. Я поплелась за ней.

— А пару можно не выбирать? — опять задала ей провокационный вопрос. — Если я вдруг влюблюсь в какого-то мужчину и не захочу идти в Храм?

Вида ласково улыбнулась.

— И это тоже можно, — ответила она, — просто в таком союзе не будет детей. Дети появляются только при соблюдении условий, выставленных Богами... Каждой паре Боги определяют максимальное количество детей, которые она может иметь. Или вообще запрещают иметь детей. Мне, например, повезло. Мне разрешили троих.

— И где они? — с любопытством поинтересовалась я. — Почему живут не с тобой?

Вида посмотрела на меня, как на слабоумную.

— Они давно уже взрослые и выбрали...

То есть, додумала я фразу, переселились в другие места.

— Кошмар, — пробормотала под нос, —

просто насилие над личностью... Не хочешь работу по приказу — будешь беден. Не хочешь переезжать — сдохнешь от заворота кишок. Не хочешь мужа по воле Богов — не будет детей.

А мысленно добавила: «Своеобразная селекция. Отсев неугодных. Или наоборот — отбор для скрещивания... И как всегда, прикрываясь заботой о благе народа. Знаем. Знаем».

Вида ловко нарезала мясо. Я вынула из магнитных ловушек несколько батарей для горячего и вставила по бокам в духовой шкаф.

— Ты привыкнешь, Илья, — произнесла ласково Вида.

Что ж, могло быть и хуже... Я могла бы попасть в мир, где процветает рабство. Или разумными существами были бы медузы... Ладно, подумаю об этом потом, на досуге. Я замуж не собираюсь и переезжать не планирую, так что все потом...

— Подведем итоги, — продолжила я пытаться Виду, когда мы уселись за стол, — что самое неприятное из всего этого?

— Если не выбрал профессию — человек будет бедным. Его будут преследовать неудачи, провалы, неурядицы. Если не выбрал пару — умрет бездетным, плюс все те же неудачи и проблемы. Если не хочет жить на своей территории, то вскоре его будет мучить сильная боль, такую вытерпеть

невозможно. Выбирай.

— Ладно, — покладисто произнесла я, — а как тогда людям, которые богатые? У которых есть в этом округе... Ну, например, большой дом, бизнес (я сказала дело, но Вида поняла, о чем я говорю), много собственности... Я же видела в городе огромные особняки, богато украшенные автомобили... И вдруг Боги предписали переехать в другой район... Что тогда? Как он сможет забрать с собой всю свою недвижимость? Ценности?

Вида с улыбкой смотрела на меня, ее веселил мой серьезный сосредоточенный вид. Я как горный старатель, копала все глубже и глубже, собираясь добраться до истины.

— В каждом округе есть гильдии (перевела я слово похожее на управляющие комитеты). Они производят полную оценку имущества в денежном эквиваленте и меняют на такой же эквивалент в той зоне, где человек будет жить. В Храмах собраны все данные. Кто, куда и когда. Тем более что многое можно взять с собой, переезжающему даются несколько заряженных гравитационных батарей для перемещения, — Вида рассмеялась, — так что не бывает накладок. Боги все предусмотрели. А вообще, я тебе советовала бы не привязываться к определенному месту жительства. У нас все общее. Например, в этом коттедже до меня жило несколько семей, и после меня будут

жить. Ничего удивительного в этом нет.

«Совершенно не похоже на наш мир. У нас дом или квартира — наша крепость. Особая неприкосновенная территория, которая наполнена личными вещами, эмоциями, запахами. А здесь? Не посмотрят, что человек привык к месту, познакомился с соседями, завел друзей. Нет — переезжай, и все тут!

— Я все решила! — заявила Виде после обеда.

— Ну и отлично, — улыбнулась она. — Когда идешь в Храм?

— Нет! — с изумлением воскликнула я. — Никакого Храма! Ты мне говорила, что до тридцати лет можно выбор не делать... Последствия будут, но незначительные. Подумаешь, не будет детей — ерунда! Немного живот поболит — потерплю. А так как живу я у тебя, то мне и деньги не нужны... Буду искать яму все десять лет. За десятилетие найду всенепременно!

Я широко заулыбалась, но осеклась, увидев печальное лицо старушки.

— Илья, — начала она неуверенно, — я не могу тебе обещать...

— Что? — всполошилась я, — что ты не можешь?

— Мой муж Патри умер год назад. Как раз перед твоим появлением здесь. Я вскоре хотела уйти за ним, но осталась из-за тебя...

— Что значит, уйти? — хрипло произнесла я, замирая от страшного подозрения.

— Илья, девочка моя, — ласково произнесла женщина, — мы сами в нашем мире выбираем, сколько нам жить... И многие пары предпочитают совместный уход. Бывают исключения, когда человек гибнет молодым. На работе или по собственной глупости... Тогда его пара может еще раз пойти в Храм...

— Подожди, подожди, — взволнованно зачастила я, — у вас люди сами выбирают, сколько им жить? И когда умереть?

— Можно сказать и так, — согласилась Вида.

— Круто! — воскликнула я. — Так вообще не умирай! Живи еще сотню лет.

Вида заулыбалась, и морщины солнечными лучиками разошлись по экзотическому маленькому личику.

— Нет, Илья. Я буду дряхлеть, стареть. Тоска и апатия поглотят меня. Мы с Патри прожили почти восемьдесят лет вместе. Мне очень грустно без него.

Мы помолчали, думая каждая о своем. Весь этот прекрасный мир — одна большая русская рулетка. Одна надежда на то, что Боги действительно подбирают лучшую пару и работу по твоим способностям. По крайней мере, Вида была в этом стопроцентно уверена.